

РОДИТЕЛИ КАК ВРАГИ

«**Н**ет у ребенка большего врага, чем его папа и мама». «Что вы такое говорите? Как вы можете? Да это самые близкие, самые родные люди».

Я невежливо перебиваю. Я слышал эти слова миллионы раз. И всегда так делаю, их услышав: перебиваю невежливо».

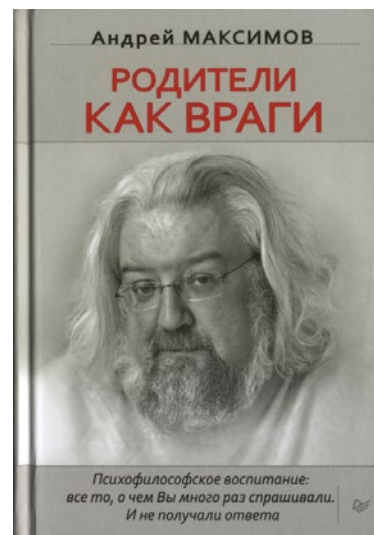
Это начало новой книги известного телеведущего Андрея Максимова, которая и называется столь же эпатажно – «Родители как враги». (Всего у Максимова сорок книг, из последних: «Практическая психософия», «Песталоцци ХХ1. Книга для умных родителей»).

Наша редакция была приглашена на презентацию книги, состоявшуюся в мегамагазине для книголюбителей Библиоглобусе. Понятно, что читатели попросили автора для начала объяснить, почему он так жестко судит родителей, причем, как он сам подчеркивает, любящих папа и мам. О тех, кто бросает своих детей или, даже живя с ними, не обращает на них никакого внимания, об этих, с позволения сказать, людях у него разговор отдельный. И не здесь.

– Моя книга обращена к тем, кто уничтожает жизнь и судьбу своих детей, мотивируя это любовью к ним. Так получилось, что я теперь не только пишу книги, но и веду консультации. Просто ко мне со своими проблемами стали приходить знакомые, знакомые знакомых... И эти люди, нормальные, хорошие люди иногда говорят о своих детях такие жуткие вещи, что, честно, хочется их послать куда-то далеко. Они относятся к детям как к своей собственности, а не как к личности. Что уж говорить о тех, кто выбрасывает новорожденных в мусоропровод...

И я понимаю: огромное число людей в стране – враги своим детям. Но всю вину я не стал бы перекладывать на родителей. Многие наши проблемы, как и проблемы любой другой страны, лежат в области образования. Родителям приходится ломать голову – как быть со школой, чтобы ребенок с одной стороны учился, готовился к ЕГЭ, и при этом не сошел с ума. Я провел два опроса – в России и в Израиле, где часто бываю. Задавал детям только один вопрос: для чего ты ходишь в школу? В Израиле с огромным отрывом большинство ответило – учиться; у нас, тоже с большим отрывом – общаться. Даже наши дети понимают, что ходят в школу не учиться. У нас есть хорошие учителя, есть хорошие школы. Но нет эффективной системы образования, она у нас находится в ситуации бесконечного ремонта. Я очень уважаю учителей, отношусь к ним с трепетом, но они – заложники системы, им трудно чего-то добиться в смысле воспитания ребенка. Если кто и может сделать ребенка и образованным, и счастливым, то это семья, только семья.

Моя книга содержит ответы на вопросы, которые мне чаще всего задают родители. И от вас я тоже жду вопросов.



– Вы написали замечательную книгу по психофилософии. Как с ней связаны отношения родителей и детей?

– Психофилософия – это такая система, которая помогает людям помогать друг другу. Все мы в какой-то степени являемся психологами-консультантами, помогаем близким, знакомым разобраться в какой-то ситуации. Воспитание – часть психофилософии, которая занимается тем, что помогает детям стать счастливыми. Чтобы он не денег больше получал, не пятерок, а рос счастливым человеком. К сожалению, ситуация такова, что каждый родитель обязан быть педагогом и психологом. Это неправильно, но это так. Просто, по наитию, сегодня ребенка воспитать нельзя, да и опасно. Мои книги и помогают в освоении этих родительских профессий.

– С кем вам интереснее общаться – со взрослыми или с детьми?

– Мне кажется, всем нормальным людям интереснее общаться с детьми. С точки зрения психофилософии ребенок – абсолютный эталон человека. Наиболее приближен к Богу, свободен. Дальше приходят родители, и начинается влияние социума. Мы все – люди социальные. Вот все мы, здесь собравшиеся – люди в неких масках. Пока собирались, меня ждали – сидели, каждый сам по себе. А дети бы уже перезнакомились, перелюблились, перессорились... Дети – куда более естественные существа, у них меньше масок. Хотя мой знакомый сказал: «В Москве очень трудно снимать кино. Очень много масок. И даже у детей».

Но если с ребенком общаться как с личностью, можно узнать много невероятно интересного. Всегда говорю родителям, чьим детям три года и больше: спросите их, в чем смысл жизни. Сначала ребенок удивится, пошлет вас вежливо, а потом вы узнаете от него столько удивительного! Спрашиваю девочку десяти лет: «Веришь в Бога?» – «Да» – «А он какой? Седой? Старенький?» – «Ну что вы! На небесах стареть невозможно». Мой сын, которому сейчас 17 лет, многому меня научил.

– Ваши дети счастливы?

– У меня двое детей. Что касается сына, в данный момент, боюсь, он не очень счастлив, у него сложная любовь и тут уж я ничего не могу поделать. Но вообще, мне кажется, дети – да, счастливы, потому что всегда ощущали защиту, и я всегда способствовал тому, чтобы они нашли свое призвание. В сущности, что такое счастье? Ты здоров, а дальше – любимая работа, любимый человек. Работу по призванию можно найти, но любимую девушку – нельзя, она может только найтись. Но все, что делают родители, чтобы ребенок занимался любимым делом, помогает и в любви.

Найти призвание ну почти так же важно, как найти любовь. И здесь многое зависит от того, что именно ищет взрослый человек. Ко мне за консультацией чаще всего обращаются с детскими проблемами. Но второе место прочно занимают проблемы людей, занятых нелюбимым делом. Некоторые просто не понимают, как быть, если каждый



день на работе мучителен. Другим не хватает решимости поменять престижную и хорошо оплачиваемую работу на любимую. Есть и такие, кто сам не может понять истоков мучительной хандры, и мы вместе приходим к пониманию, что человек изнурен нелюбимой работой. Среди тех, кто занимается нелюбимым делом, даже если оно приносит солидный доход, мне не встретилось ни одного не то что счастливого, а просто не невротического человека.

В моей книге есть подробное описание, как помочь ребенку найти призвание, буквально пошаговая схема. **Шаг первый** – понимание того, что ребенок – это человек со своим мировоззрением, душой, склонностями, опытом и т.д. **Второй** – наблюдение за ребенком для того, чтобы выявить его желание, то есть талант, то есть призвание. **Третий** – постановка перед ребенком все более и более сложных творческих задач. **Четвертый** – объяснение ребенку и поддержка его в том, что его призвание должно быть направлено на других людей. **Пятый** – понимание того, что ребенок имеет право на ошибку.

И главное в этой кропотливой работе, которая, по Песталоцци, длится 5-7 лет, искать и не сдаваться. Не опускать руки!

– **Не считаете ли вы, что в школе надо давать детям знание о том, каким должен быть родитель? Ведь ужас, сколько родителей калечат своих детей!**

– Эта мысль есть в книге. Мы воспитываем не детей, а будущих родителей. Но приобретенное в школе быстро улечивается. Литература преподается, но вот на мой вопрос студентам, кто такой Фазиль Искандер, отвечают: лидер чеченских террористов. Поэтому главный вопрос в этой проблеме – кто будет преподавать, кто эти педагоги?

– **А что нужно поменять, чтобы возникла действенная система образования?**

– Убрать отметки. Это то, что унижает ребенка, лишает уверенности в себе. В финских школах оценки начинают ставить только начиная с 15 лет. В чем смысл оценки? В бесконечной гонке за тем, кто будет признан лучшим. У тебя четверка, а у Пети пятёрка! Петя сдал ЕГЭ на 90 баллов, а ты только на 80! Это становится критерием, но не поиск призвания.

Дети должны перестать быть рабами. Я спросил в Израиле: что будет с учительницей, которая ударила ученика по рукам. Тюрьма. А у нас такое сплошь и рядом. Моя подруга рассказывает: хочу забрать дочку из школы, там училка иначе как идиотами и крестинами детей не называет. Некоторые дети при этом хохочут, а дочери подруги это не нравится. Дети совершенно бесправны.

Родители должны понимать: они отдают детей на каторгу. Встаешь ни свет, ни заря, идешь туда, где будешь заниматься тем, чего терпеть не можешь и где в любой момент к тебе могут придраться. Вот попробуйте, сделайте мне замечание за то, что я толстый. Да, это правда, но я обижусь. А ребенку можно сказать все, что угодно. Когда сын был маленький, мне говорили: ваш сын бегаёт на переменах. А что должен делать ребенок после сорока пяти минут сидения на уроке? Продолжать корпеть над книжкой?

– **Как вы относитесь к домашнему образованию, которое развивается все шире?**

– И об этом пишу в книге. Домашнее образование – это значит: мы убираем опасность для ребенка быть обиженным, закомплексованным; но убираем и общение со

сверстниками. Если ребенок выбрал, к примеру, физику и ходит на кружки – все нормально, он наобщается в кружке. А если будет общаться только с проходящими учителями, его ждут большие проблемы в социализации.

Реформа в школе нужна, кардинальная, но загвоздка в том, что вначале станет хуже. Пока не оторвутся обломки старого, пока не вызреют новые приемы и методы. Как было с гайдаровскими реформами? Сначала всех охватил ужас, цены плясали, казалось, все рушится. А сейчас живем по Гайдару. Реформаторы должны думать о реформе больше, чем о своей карьере. Где же таких найдешь?

– **Нужно ли приобщать ребенка к религии?**

– Я сам пришел к вере поздно и сейчас не очень понимаю, как живет атеист. Но я никого не учу, только высказываюсь на эту тему. С ребенком можно очень осторожно поговорить, познакомить со своей верой. Но надо быть готовым и к тому, что сын или дочь откажутся от веры или выберут другую. Женщина с ужасом мне рассказывала: сын уходит в мусульманство. «Он что, гарем завел?» – «Да нет. Коран изучает». – «И что же вас пугает?» – «Они на праздник баранов режут прилюдно» – «А мы на Новый год елки рубим». – «Так что, ничего страшного?» Но почему, если не так как у вас, это страшно?

– **Я закончила пединститут, где хорошим тоном было сказать: там, где начинается педагогика, кончается педагог. Я закончила вуз вопреки этому. Сейчас, когда ко мне приходят однокурсницы, жалуются на трудности работы, говорю: «А Песталоцци? А Сорока-Росинский? А Соловейчик?» Упаси боже Макаренко назвать! Подруги ужасаются: «Такое впечатление, что тебе шестьдесят лет! Моего директора не интересует, что по этому или другому поводу сказал Песталоцци!» Что может заставить студентов, учителей читать великих?**

– Наша школа, к сожалению, ставит учителя перед выбором: либо совершать ежедневный подвиг, либо соответствовать принятому стандарту. Педагоги говорят: учитель – это человек, который между заполнением бумажек может успеть чему-нибудь детей научить. К сожалению, наследие великих педагогов сегодня школе не нужно. И не нужны люди, которые без постижения их идей не могут работать. Но детям необходимы образованные, знающие педагоги. Школа не требует от учителя эрудиции? Он может, он должен потребовать этого сам от себя.

– **Моему племяннику пять лет. Дома – вертеп, пьянки. Опекун над ним оформила бабушка. Но парнишка уже готовый хам. Что делать?**

– Единственное, что вам скажу – пять лет это еще не поздно. Ему нужно дать другой пример. Знаете эту историю: не думай о белой обезьяне. Если сказать такое человеку, он обязательно будет думать о белой обезьяне. О белой обезьяне просто нельзя не думать! Но можно сказать: думай про белого слона. Не надо ругать родителей, говорить о вреде алкоголя и так далее. Дайте ребенку белого слона – нечто интересное, что его увлечет.

У меня с детьми не было проблем с компьютером. Сын с четырех лет мечтал стать артистом, ходил в студию, и у него просто не было времени дойти до компа. Хотя он очень любит игры. И друзья у него такие же.

– **Вы видите связь между школьной дедовщиной и уровнем здоровья детей?**

– У нас, как вы знаете, один из самых высоких уровней психических проблем. Существует два взгляда на это явление. Первый – дети по определению жестоки, и тут ничего не поделаешь. Я, как человек православный, считаю, что дети греховными не рождаются. Второй: дети берут пример с родителей. Я бы добавил – не только с родителей. Если в обществе принято считать, что умным ты можешь не быть, но сильным быть обязан, то эта система ценностей и формирует уровень агрессивности, который мы наблюдаем. Семья должна объяснять, внушать, что быть ботаником вовсе не стыдно. В конце концов, открытия делают именно они. Хотя что мешает ботанику стать мускулистым и сильным?

– **Общаясь с детьми, даете ли им советы, как воспитывать родителей?**

– Да, даю советы как родителей нужно терпеть, смиряться с ними, прощать. У папы вдруг включился педагогический раж: «Сын, покажи-ка дневник! Это что здесь за безобразие?» Папа пошумит и стихает. Объясняю ребенку: он же из лучших побуждений, он устал, ему мучительно думать, что он мало занимается своим сыном... Его надо пожалеть.

Я ужасаюсь иногда, что способны родители рассказывать о своих детях, как могут их не понимать. Такие же эмоции испытываю порой, когда говорю с детьми о родителях. Часто чувствуется: ребенок отца уважает, но не любит. И иногда ничего уже нельзя исправить. Но давайте задумаемся: почему ребенок, самый близкий тебе человек во всем мире, от полного, безграничного доверия в детстве дрейфует к полной его утрате? Искать ответ здесь надо, понимая: ребенок – зеркало своего родителя, я бы уточнил, рентгеновское зеркало. Почаще бы в него заглядывать.

Юлия Борисова